

8. House J. Developing pragmatic competence in English as a lingua franca: Using discourse markers to express (inter)subjectivity and connectivity // Journal of Pragmatics, 2013. – Vol. 59. – pp. 57-67.

9. Levin H., Gray D. The Lecturer's OK // American Speech 58, 1983. – pp. 195 – 200.

10. Lee Jong-Mi. The Multifunctional Use of a Discourse Marker okay by Korean EFL teachers // Foreign Language Education Research 21, 2017. – pp. 41-65.

11. McGrath L., Kuteeva M. Stance and engagement in pure mathematics research articles: Linking discourse features to disciplinary practices // English for Specific Purposes, 2012. – Vol. 31. – No. 3. – pp. 161-173.

УДК 81'23

DOI 10.17021/2021.1.1.91.101

O.S. Zubkova

O.S. Zubkova

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТОПОНИМОВ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ
СОЗНАНИИ (НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА)**

**FUNCTIONING OF TOPONYMS IN THE INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS
(SOME RESULTS OF THE PILOT EXPERIMENT)**

В статье представлены некоторые результаты пилотажного эмпирического исследования топонимов на материале русского, английского и итальянского языков. Автор акцентирует внимание на антропоцентричности создаваемой носителем языка индивидуальной картины мира. Подчёркивается, что образы объективируют концептуализацию и категоризацию окружающей действительности, являясь основой для интерпретации топонимической лексики, отражающей мировосприятие индивида. В статье констатируется, что в топонимах как в лингвосемiotических знаках отражаются лингвокультурный опыт и традиции конкретного этноса.

Ключевые слова: топоним, топооснова, топонимическая номинация, индивидуальное сознание, ассоциативный эксперимент.

The article presents some results of the pilot empirical research of toponyms based on the material of Russian, English and Italian. The author focuses on the anthropocentricity of the individual worldview created by a native speaker. It is emphasized that images objectify the

conceptualization and the categorization of the surrounding reality, being the basis for the interpretation of toponymic vocabulary that reflects an individual's perception of the world. The article states that toponyms as well as linguosemiotic signs reflect linguocultural experience and traditions of a particular ethnic group.

Key words: toponyms, topographic base, toponymic nomination, individual consciousness, associative experiment.

Формирование топонимической картины мира представляет собой актуальную задачу современной лингвистики, поскольку топоним располагает безусловной этнолингвокультурной значимостью и интегративным статусом, а топонимическая система в вербализованном виде передает историко-социальные, языковые и этнокультурные особенности народа. Топоним становится не только определённым идентификатором географического объекта, но и представляет собой описание окружающей действительности, включая в себя широкий спектр конструктивных языковых возможностей. Образная номинация, заключенная в топониме, «всегда национально специфична в том смысле, что закрепляет в себе исторически сложившуюся в сознании народа субъекта номинации картину мира» [1, с. 218].

Вместе с тем, «образ представляет собой базовую составляющую, формирующую социально-культурное представление» [2, с. 31] о топонимическом объекте в индивидуальном сознании реципиента. Иными словами, топоним является сложным феноменом, особой коммуникативной единицей, формируемым как индивидуальное представление, тесно связанное с массовым сознанием.

Очевидно, что топоним функционирует на двух уровнях коммуникативного пространства языковой личности: на уровне языка и на уровне культуры. Топоним состоит из специфического конгломерата лингвистического и экстралингвистического планов, сведения о лексеме переплетаются со страноведческой и культурологической информацией об объекте. «Непрерывный континуум, который представляет собой ономастическое пространство с его разнообразным заполнением в разные эпохи и у разных народов, доступен в полном обзоре лишь для лиц, специально этим интересующихся. Ономастическое пространство, доступное отдельному

индивиду, включает в себя разные области его, но лишь во фрагментарном виде» [3, с. 17]. Подчеркнём, что, согласно нашим наблюдениям, нередко в топониме устанавливаются «новые связи, разрушающие ограниченные рамки профессионального терминопотребления, что неизбежно ведет к изменению природы конкретной лексемы, соотносящейся в новом для себя контексте с иными, узкопрофессиональными фактами и явлениями» [4, с. 44] Исходя из вышеозначенных постулатов, мы предположили, что топонимы формируются при помощи различных аспектов языковой системы (синтаксического, морфологического, лексемного и др.) и являются результатом интерференции когнитивно-перцептивно-аффективного опыта индивида как носителя конкретного языка на их понимание.

Задачи исследования.

На данном этапе эмпирического исследования для нас были релевантны следующие задачи: сбор и систематизация топонимических номинативов по лексикографическим источникам; – подготовка и проведение ассоциативного эксперимента; – анализ и описание полученных данных; – обобщение результатов исследования.

Методы исследования.

В качестве основного метода эмпирического исследования нами была выбрана ассоциативная методика, применяемая в рамках свободного ассоциативного эксперимента. Кроме того, нами применялись метод семной интерпретации, количественный метод, интерпретационный метод.

Материал исследования.

Материалом исследования для нашего пилотажного эксперимента послужили 30 стимулов, извлеченных методом сплошной выборки их лексикографических источников на русском, итальянском и английском языках (по 10 стимулов на каждом языке соответственно). Русские топонимы:

Безлюдовка, Добрые Пчёлы, Разбитый Котёл, Мухоедово, Верхние Караси, Жареный Бугор, Синие Кусты, Кривое Колено, Красное Эхо, Веселая Жизнь. Итальянские топонимы: *San Giovanni in Fiore, Isola di Capo Rizzuto, Mazara del Vallo, San –Marino, Sala Consilina, Lercara Friddi, Rodi Garganico, Castellammare di Stabia, Corgliano Calabro, Palma di Montechiaro.* Английские топонимы: *Great Yarmouth, Kingston upon Hull, Newcastle upon Tine, Stafford-upon-Avon, Kings-Linn, Great Grimsby, Saint Andrews, Barrow-in-Furness, Stoke-on-Trent, Middlesbrough.*

Участники и процедура эксперимента.

Участниками эксперимента стали представители трёх лингвокультур (общее количество – 45 человек; все – носители языков): первая группа – англоговорящие студенты-филологи и практикующие юристы в возрасте от 17 до 45 лет (15 человек); вторая группа – русскоговорящие студенты-филологи и школьные педагоги-математики в возрасте от 18 до 39 лет (15 человек); третья группа – италоговорящие студенты-международники и биологи в возрасте от 20 до 42 лет (15 человек).

Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Напишите или первое, пришедшее в голову слово или словосочетание, или поставьте прочерк, если не возникает никаких ассоциаций с предъявленным на карточке словосочетанием/словом». Количество ответов (реакций) и время, отведённое на ответы, не ограничивалось. Кроме того, на карточке необходимо было указать пол, возраст, профессиональную принадлежность или специальность обучения.

Обработка полученных данных.

Вертикальный анализ не выявил непригодных для обработки бланков. В результате проведённого эксперимента нами была получена 291 реакция от 45 испытуемых. Итальянские респонденты дали большее количество ассоциаций, в сравнении с русскими и английскими (136:70:85 соответственно).

Анализ результатов пилотажного эксперимента.

При выполнении анализа эмпирического материала, для каждого из стимулов были построены ассоциативные поля и выделены доминантные (наиболее частотные реакции) и соответствующие периферийные группы признаков. Ассоциативные поля стимулов подразделялись на семантические группы, при выделении которых мы основывались на методе семной интерпретации (см. подр.: [2; 5]).

Ю.Н. Караулов [6] полагает, что оценки, даваемые носителями языка стимульному объекту, определяются отношением «человек – действительность», а отношения «язык – действительность» описываются при помощи «семантического гештальта», определяющего ассоциативное поле как единицу знаний о мире. Семантический гештальт выстраивается на основе семантической классификации входящих в поле ассоциатов (реакций) и состоит из нескольких семантических зон, которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующие стимулу ассоциативного поля, а «структурирование ассоциативного поля по принципу семантического гештальта позволяет учитывать все реакции в поле, в том числе, единичные, отражающие личностное восприятие респондентов» [7, с. 103]. Данные постулаты нашли подтверждение в нашем эмпирическом материале. Например, на предъявляемый стимул *Весёлая жизнь* нами были получены следующие реакции: «развлечения», «много денег», «красивая одежда», «игры», «путешествия», «я держу перо синей птицы».

Для испытуемых – носителей русского языка ядерный слой ассоциативного поля стимула, например, *Весёлая жизнь* представлен семантической группой «развлечения» (14 реакций: *путешествия* (4); *игры* (4); *катание на лыжах* (2); *походы в кино* (2), *красивая одежда* (2)). Базовый слой ассоциативного поля состоит из двух семантических групп: «культура» (6 реакций: *культурно и красиво* (2); *культура, культурная жизнь общества* (3), *спектакль* (1);) и «оценка» (5 реакций: *интересное путешествие* (1); *классный*

сплав по реке (1); угнетающее утро (1); весёлый летний лагерь (2). Периферийный слой составляют семантическая группа «литература» (2 реакции: *«Ханума»; комедийная литература*) и единичные реакции (2 реакции: *много денег; я держу перо синей птицы*).

Заметим, что в данной статье мы ограничимся представлением наиболее репрезентативных примеров, отражающих специфику функционирования топонимов и особенности их идентификации испытуемыми в рамках проведённого эксперимента. Качественный анализ эмпирического материала эксплицирует ассоциативные связи между образом топоосновы и даваемыми реакциями, поскольку ассоциативное поле стимула объективирует всё разнообразие как лингвистических, так и экстралингвистических признаков стимульного материала.

Так, например, ассоциативное поле стимула *Добрые пчёлы* представлено следующими тремя слоями: ядерный слой представлен семантической группой «населённый пункт, в котором занимаются разведением пчёл» (8 реакций), название усадьбы или пасеки (4 реакции). Базовый слой ассоциативного поля состоит из семантической группы «пчеловодство» (10 реакций), *разведение пчёл, которые не жалят* (2 реакции). Периферийный слой составляет семантическая группа «название» (2 реакции: *название мультфильма; название какого-то фильма*) и единичные реакции (2 реакции: *не жалят всех; тепло*).

Для испытуемых – носителей английского языка ядерный слой ассоциативного поля стимула *Saint Andrews* представлен семантической группой «местность, город» (14 реакций: *местность (5); городок (5); зелёный город (2); небольшая, но удобная округа (2)*) (переводы здесь и далее выполнены нами – О.З.). Базовый слой ассоциативного поля состоит из семантической группы: «имя» (10 реакций: *имя, фамилия; имя святого; Святой Андрей; апостол Андрей; посланник Andrews*). Периферийный слой составляет семантическая группа «религия» (3 реакции: *религиозность, кто-то из католицизма; иудей*) и единичные реакции (3 реакции: *праздник; зелень, GTA*).

Ассоциативное поле стимула *Great Grimsby* представлено следующими тремя слоями: ядерный слой представлен семантической группой «улица, город» (9 реакций), *название маленького города* (5 реакций). Базовый слой ассоциативного поля состоит из семантической группы «имя» (6 реакций) *имя; фамилия; чьё-то имя или прозвище; имя какого-то человека*. Периферийный слой составляет семантическая группа «учебное заведение» (3 реакции: *университет; католическая школа для мальчиков; школа*) и единичные реакции (3 реакции: *боевик; кино; вино*).

Для испытуемых – носителей итальянского языка ядерный слой ассоциативного поля стимула *Isola di Capo Rizzuto* представлен семантической группой «географический объект» (13 реакций: *остров* (5); *остров в Капо-Ризуто* (5); *небольшой островок* (2); *географический объект* (1)). Базовый слой ассоциативного поля состоит из семантической группы: «название» (10 реакций: *название картины, а имя художника не помню; название кафе; название вкусной пасты; название вкусного соуса; название блюда*). Периферийный слой составляет семантическая группа «отель» (3 реакции: *номер в отеле, хороший отель; солнце во всех номерах*) и единичные реакции (3 реакции: *всегда жарко; очень дорогой бензин, не нравится*).

Ассоциативное поле стимула *Castellammare di Stabia* представлено следующими тремя слоями: ядерный слой представлен семантической группой «достопримечательность» (10 реакций), *местность; красивые здания* (6 реакций). Базовый слой ассоциативного поля состоит из семантической группы «дворец, замок» (6 реакций) *замок в городе; Дворец в Стабии, прибрежный дворец в Стабии; музей-дворец; крепость-замок; замок-музей*. Периферийный слой составляет семантическая группа «развлечения» (4 реакции: *название заведения; танцы в красных платьях; кафе и развлечения; название ресторана*) и единичные реакции (2 реакции: *море; костёл*).

Резюмируя вышесказанное, подчеркнём, что при восприятии и идентификации топонима в индивидуальном сознании, образный компонент

является основой для формирования «доминирующих ментальных репрезентаций <...> и обеспечивающий направление восприятия» [8, с. 48].

Выводы.

Результаты, полученные нами в ходе эксперимента, позволяют констатировать следующее:

– топонимы содержат очевидные характеристики географических объектов, отражая географические особенности конкретного топообъекта и, нередко, объективируя их лингвокультурные особенности. Кроме того, по определённому топоинформанту можно конкретизировать язык, местность, исторические рамки возникновения конкретной топонимической номинации;

– имя собственное в составе топонимической единицы обладает повышенной аттрактивностью и предметностью, в сравнении с нарицательным именем, для дешифровки которого достаточно так называемой «неопределённой предметности», сопровождаемой трактовкой лексем в топонимических, толковых или энциклопедических лексикографических источниках. Имя собственное характеризуется тесной связью с именуемым топонимическим объектом и не существует вне связи с номинативом;

– имена собственные в составе топонима являются наиболее продуктивным способом обозначения топообъекта. Нами замечено, что иные способы номинации исследуемого феномена (описательная фраза, метафорическое выражение, гиперболизация, числовая номинация) имеют ограниченное распространение в сравниваемых лингвокультурах по сравнению с «универсальностью» имени собственного;

– применение свободной ассоциативной методики позволяет эффективно исследовать элементы топооснов, функционирующих в индивидуальном сознании. Очевидно, что ассоциативная связь предопределяется культурой, индивидуальным и коллективным знаниями, перцептивно-когнитивно-аффективным опытом носителя языка. Выделение частотных ассоциаций объективирует целостную картину восприятия топонимов представителями

исследуемых лингвокультур, акцентируя универсальные черты и определяя их уникальные особенности.

Литература

1. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: Р. Валент, 2000. – 312 с.

2. Зубкова О.С. Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация // Вопросы когнитивной лингвистики. Научно-теоретический журнал. 2010. – №3. – С. 41-48.

3. Зубкова О.С. Профессиональная метафора в медицинском дискурсе // Известия Юго-Западного государственного университета. Научный рецензируемый журнал. – Серия Лингвистика и педагогика, №3. – 2013. – С. 44-51.

4. Зубкова О.С., Анненкова А.В. Специфика функционирования образов имиджевой рекламы в индивидуальном лексиконе: монография. – Курск: Из-во ЗАО «Университетская книга», 2017. – 242 с.

5. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 191-206.

6. Киселева Е.А. Опыт экспериментального психолингвистического исследования образов России и Японии в обыденном сознании студентов новосибирского государственного университета // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2009. – Том 7, выпуск 2. – С. 103-115.

7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

8. Фаткуллина Ф.Г. Топонимическая лексика как отражение национальной языковой картины мира // Материалы II Международной научной конференции «Социальное развитие и общественные науки» /

References

1. Breus E.V. Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliiskii [The basis of Theory and Practice of Translation from Russian into English]. – M.: R.Valent, 2000. – 312 p.

2. Fatkullina F.G. Toponimicheskaya leksika kak otrazhenie nacional'noi yazykovoi kartiny mira [Toponymic Vocabulary as a Reflection of the National Language Picture of the World]. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii "Social'noe razvitie i obschestvennye nauki". Evropeiskii zhurnal social'nyh nauk [European Social Science Journal], 2014. – Vol. 1. – No. 3. – pp. 219-224.

3. Karaulov Yu.N. Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v associativno-verbal'noi seti [The Indicators of the National Mentality in the Associative-Verbal Network]. Yazykovoe soznanie i obraz mira [Language Consciousness and Image of the World]. M. – 2000. – pp. 191-206.

4. Kiseleva E.A. Opyt eksperimental'nogo psiholingvisticheskogo issledovaniya obrazov Rossii i YAponii v obydennom soznanii studentov novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [The Experience of the Experimental Psycholinguistic Research of the Images of Russia and Japan in Everyday Consciousness of the Students of Novosibirsk State University]. Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2009. – Vol. 7. – № 2. – pp. 103-115.

5. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. M.: Vostok-Zapad, 2007. – 314 p.

6. Zubkova O.S. Medicinskaya metafora-termin kak mental'naya reprezentaciya [Medical Metaphor-Term as a Mental Representation]. Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics], 2010. – No. 3. – pp. 41-48.

7. Zubkova O.S. Professional'naya metafora v medicinskom diskurse [Professional Metaphor in Medical Discourse]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo

gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika [Proceedings of Southwest State University. Series Linguistics and Pedagogical], 2013. – №. 3. – pp. 44-51.

8. Zubkova O.S., Annenkova A.V. *Specifika funkcionirovaniya obrazov imidzhevoi reklamy v individual'nom leksikone: monografiya* [The Specifics of Images Functioning of Corporate Advertising in an Individual Lexicon]. – Kursk: Izvo ZAO "Universitetskaya kniga", 2017. – 242 p.

УДК 81'42

DOI 10.17021/2021.1.1.101.111

Чжао Липэн, Н.А. Романова

Zhao Lipeng, N.A. Romanova

**ВОЕННАЯ ПРИСЯГА КАК ЖАНР РИТУАЛЬНОГО
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АСПЕКТ**

**MILITARY OATH AS A GENRE OF RITUAL INSTITUTIONAL TEXT:
A COMPARATIVE ASPECT**

В статье дается описание военной присяги как жанра ритуального институционального текста. Сформулированы общие, формальные и содержательные особенности жанра присяги. Сопоставлены тексты присяги Вооруженных Сил РФ и присяги Китайской Народно-освободительной Армии. Показано, что композиция и речевая организация текста военной клятвы обусловлены его коммуникативной целью и связанными с ней функциями, а также характером коммуникантов (адресата и адресанта). В содержательной структуре текстов русской и китайской присяг выделены vindиктивная и комиссивная составляющие. Определены темпоральная перспектива и общая схема построения текстов военных клятв двух стран.

Ключевые слова: военная присяга, жанр, коммуникативная цель, речевая организация, декларативная функция, инспиративная функция, vindиктивная и комиссивная составляющие.

The article describes the military oath as a genre of ritual institutional text. The general, formal and substantial features of the oath genre are formulated. The texts of the oath of the Armed Forces of the Russian Federation and the oath of the Chinese People's Liberation Army are compared. It is proved that the composition and speech organization of the text of the military oath is due to its communicative purpose and related functions, as well as the nature of the communicants (addressee and addressee). In the content structure of the texts of the Russian and